

УДК: 94 (47). 083

ББК: 63.4 (2)

DOI: 10.18688/aa2212-09-63

К. В. Шмелев, А. Д. Муратбакиева

Наугольные палаты – Первый кадетский корпус в первой половине XVIII века. К презентации археологической коллекции

Дворец А. Д. Меншикова — одно из немногочисленных сохранившихся в Петербурге зданий эпохи Петра I, которое имеет особое значение для истории города. Строительство дворца было начато в 1710 г. архитектором Ф. Фонтана, в 1720–21 гг. к его юго-западному углу И. Г. Шедель пристраивает здание Наугольных палат, вскоре соединенное с дворцом крытым переходом [31]. В последующие годы оно использовалось как место заседаний Военной коллегии, под председательством Меншикова и резиденция Петра II [4, с. 104], в тот момент наследника престола. После опалы Меншикова весь комплекс дворца в 1727 г. был конфискован в казну, после чего постройки усадьбы занимались различными ведомствами, частью стояли брошенными или использовались как склад.

В 1731 г. указом² императрицы Анны Иоанновны был учрежден кадетский корпус³, которому была отдана усадьба Меншикова, включавшая Наугольные палаты. Для корпуса в 1750–70 гг. были возведены здания вдоль Кадетской линии. С 1860-х гг. в зданиях корпуса некоторое время размещалось Павловское военное училище. В 1920-е гг. постройки перешли в распоряжение Военно-политической академии, затем Академии тыла и транспорта; с 2011 г. они были переданы Санкт-Петербургскому государственному университету. В ходе работ по реставрации⁴ были сделаны многочисленные архитектурные и вещевые находки XVIII–XX вв.⁵ Изучению наиболее ранней части коллекции, относящейся к первым десятилетиям существования здания Наугольных палат и кадетского корпуса, посвящена данная работа.

Введение коллекции в научный оборот расширяет наши представления об архитектуре, массовой материальной культуре, военной истории и costume начала XVIII в. Характер её формирования связан с особенностями постройки и функционирования

² ПСЗРИ. Т. 8 (1728–1732), № 5811.

³ Официальные названия: 1732–1743 гг. — Рыцарская Академия, 1743–1766 гг. — Сухопутный кадетский корпус, 1766–1800 гг. — Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус, 1800–1863 гг. — 1-й кадетский корпус, 1864–1882 гг. — 1-я Санкт-Петербургская военная гимназия, с 1882 г. вновь — 1-й кадетский корпус.

⁴ Авторский надзор осуществляло Архитектурное бюро «Студия 44», исследования проводились совместно с Лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ.

⁵ Все обнаруженные находки принадлежат СПбГУ; на данный момент находятся на стадии передачи в Музей истории СПбГУ.

Наугольных палат в докадетское время и начальный период кадетского корпуса. Архитектурные находки связаны с раскрытием позднейших штукатурных слоёв и следов перестроек ранних элементов здания. Основная часть вещевого комплекса представляет собой скопление предметов, заложенных в пазухи сводов между этажами здания¹. Забивка пазух легким материалом способствует снижению естественного давления на своды², обычно для этих целей использовались материалы типа древесной щепы, но в данном случае неизвестные мастера использовали непригодные к использованию вещи. Время появления заполнения уверенно датируется рубежом 1730–40-х гг., когда в части здания, выходящий на Кадетскую линию, производилась перекладка полов [20, с. 20]. Набор вещей демонстрирует предметы полностью изношенные, со следами ремонтов, иногда приспособленные для вторичного использования. Таким образом, основное ядро коллекции состоит из вещей, пришедших в негодность к концу 1730-х гг., следовательно, время создания их относится к более раннему времени — началу 1730-х гг., возможно, частично концу 1720-х гг. Кроме того, присутствует ряд более поздних вещей — от середины XVIII в. и до советского времени. Однако они представлены исключительно небольшими фрагментами бумаги и документов, а также мелкими вещами, то есть предметами, которые могли проваливаться в щели пола при подметании. Наиболее поздние находки датируются рубежом 1950–60-х гг., так как после этого периода в тогдашней Академии тыла и транспорта были уложены линолеумные покрытия, и накопление находок прекратилось. Состав коллекции включает в себя массив бумажных документов (начиная с позднепетровского периода), предметы быта и интерьера, серии деталей одежды и обуви военного и невоенного происхождения³. Вся коллекция составляет несколько тысяч индивидуальных находок, предметов из категории массового материала насчитывается в несколько раз больше. В настоящее время исследования и обработка коллекции продолжаются, поэтому возможно выявление новых находок. Настоящее исследование посвящено, прежде всего, элементам военной и гражданской материальной культуры первой половины XVIII в. Особый интерес представляет сопоставление обнаруженных материалов с данными многочисленных письменных и изобразительных источников, относящихся к истории как Наугольных палат, так и самого кадетского корпуса — комплекса документов Первого кадетского корпуса и многочисленных синхронных, а также более поздних источников⁴. На современном этапе ведется публикация документов корпуса⁵, огромная работа по систематизации архивных источников проделана К. В. Татарниковым [29]; непосредственно униформе Первого кадетского корпуса посвящена его совместная с Е. И. Юркевичем монография [30]. Археологические и архитектурные коллекции и материалы естественнонаучных работ из исследований последних лет также частично опубликованы [32; 34; 44; 27].

¹ Ряд находок сделан в засыпках подвалов и чердаков здания.

² Любезная консультация архитектора Н. В. Широковой, специалиста «Архитектурного бюро «Студия 44», соавтора проекта реставрации и современного приспособления здания.

³ Частично опубликованы в работах [34; 32].

⁴ Библиографию вопроса см. [34; 32].

⁵ РГВИА, ф. 314.

Из крупногабаритных объектов необходимо отметить обнаруженные в цокольном этаже Наугольных палат фрагменты двух деревянных конструкций⁶: «погреба» и «ледника»⁷, датируемые первой половиной XVIII в. Они располагались в двух соседних помещениях, и были раскрыты при демонтаже засыпки пола. Датировка конструкций определена по описи бывшей резиденции Меншикова 1734–35 гг. [1, с. 187]. Согласно документу, сооружения уже существовали на передачи момент здания кадетскому корпусу. В то же время, одна из конструкций — «погреб», расположенный в центральном объёме подвала, была сооружена не одновременно с постройкой самого здания, а несколько позже, так как для этого был частично разобран первоначальный кирпичный пол в помещении. От этой конструкции, сохранился нижний венец сруба из древесины хвойных пород и отдельные доски и бревна разного размера, служившие подкладками под полом сооружения. В качестве подкладок, помимо обрезков древесины, были использованы различные деревянные предметы, вероятно выброшенные вследствие поломок. Так под полом сруба оказалась мутовка, изготовленная из корневища ели, бондарные клепки, сидение лавки без ножек и хлебная лопата. Габариты конструкции по внешнему контуру составляли 4,0×4,15 м. Сооружение, просуществовав какое-то время, было разобрано и засыпано строительным мусором, при этом нижние венцы сруба и подкладки под пол были оставлены на материке.

Сохранность второго объекта (Илл. 91) оказалась заметно выше. Он представлял собой нижнюю часть конструкции ледника — два нижних венца сруба, незначительный фрагмент третьего (первоначальное количество венцов неизвестно), внутри был встроены короб из досок и дощатый пол, уложенный по трем лагам. В северной части пола расположен люк с небольшой ямой для стока талой воды. Сруб в плане имеет форму неправильного четырёхугольника, размерами 3,7×4,2 м. Доски пола были уложены с небольшим уклоном в сторону люка. Сруб изготовлен «в лапу» из древесины сосны и ели. Внутри сруба находятся «прижимные» доски, фиксирующие настил пола, и остатки дощатого внутреннего короба, отделённого от внешних бревен пространством порядка 20–25 см.

В ходе демонтажа ледника стало очевидно, что при его строительстве были использованы детали от других деревянных конструкций — архитектурных построек и кораблей или барж. При этом в качестве бревен сруба применены детали от разобранных деревянных построек во вторичном использовании. При укладке часть бревен была перевёрнута, так что первоначальные пазы оказались в верхней части бревна. Все доски пола соотносимы с палубной двухдюймовой доской [37]. Большинство досок имеют отверстия различного диаметра, обычно 30–40 мм, часто с закреплёнными в них деревянными нагелями, в ряде случаев имеются остатки железных гвоздей. Крайняя восточная в наборе пола доска имеет заужение на одном из концов и вырезанную вдоль

⁶ Публикация данных объектов: [44; 27].

⁷ Ледником называют утеплённый деревянный объём, как правило, бревенчатый сруб, предназначенный для хранения продуктов. В конце зимы в него загружались глыбы льда из ближайшего водоема и укрывались соломой, что позволяло поддерживать в помещении температуру холодильника в теплое время года. Такая конструкция традиционна для многих регионов Северной Европы. «Ледник — яма со срубом в ней, используемая как погреб». Новг.: Волот. (КНГ) см. [28, с. 152].

края канавку. По всей вероятности, это одна из прилегающих к фальшборту досок палубы, оборудованная т. н. «шпитатной канавкой» — элементом устройства слива воды за борт. Заужение свидетельствует о расположении данной доски в оконечности (в носу или корме) судна. Вероятно, для создания пола ледника была использована половина от палубного щита надстройки небольшого судна⁸. На одной лаге по всей длине вырезан глубокий зигзагообразный орнамент. В засыпке ямы под люком обнаружена монета рубежа XVIII–XIX вв., что свидетельствует об эксплуатации ледника не менее 100 лет.

Как уже было указано, вещевая коллекция состоит из нескольких тысяч⁹ индивидуальных находок и на порядок большего объёма массового материала. К категориям индивидуальных находок могут быть отнесены следующие позиции: документы и изделия из бумаги¹⁰, детали вооружения, элементы униформы и военного снаряжения, детали гражданского костюма, обувь, детские игрушки, утварь, украшения и детали мебели и интерьера, предметы декоративно-прикладного искусства. Изделия выполнены из бумаги, металла, кожи, дерева, глины, стекла, кости и комбинаций этих материалов. В данной работе рассматривается часть находок, относящихся к началу функционирования комплекса в первой половине — середине XVIII в.; полная публикация комплекса возможна после завершения обработки коллекций.

Среди части коллекции, относящейся к военному костюму, выделяется несколько категорий предметов: парики и головные уборы, фрагменты верхней одежды и пуговицы, детали нижнего белья и связанных с ним предметов, рукавицы и перчатки, обувь, чулки и гетры, обувные, одежные и амуниционные пряжки, предметы для ухода за одеждой, детали снаряжения и вооружения. Наконец, отдельная категория — это изображения униформы на предметах из коллекции¹¹.

Серия предметов, связанных с головными уборами, составляет более 50 единиц. Основная масса предметов этой категории представлена париками, их фрагментами и деталями¹². Собственно париков в разной степени сохранности в коллекции 46 единиц, кроме них обнаружены отдельные пучки волос, фрагменты вентиляционных сеток и окантовок. Конструктивно все парики состоят из шапочки-основы, изготовленной из неокрашенного льняного холста с подкладкой из вязанного крючком нитяного трикотажа. В ряде случаев на поверхности трикотажа (т. е. на части шапки, непосредственно прилегающей к голове) имеется от одного до трёх концентрических кругов синего, реже зелёного или красного цвета. Их назначение неизвестно, выскажем предположение,

⁸ Помимо деталей ледника в деревянных архитектурных элементах здания присутствует большое количество корабельных деталей во вторичном использовании: в стропильной системе — балки со следами деревянных нагелей и фрагмент шпангоута-кочера (в качестве распорки между стропилами). В качестве элемента крепежа одной из печных труб на чердаке использован флоттимберс шпангоута крупного паромообразного судна. Так же из деталей набора паромообразных судов, с нагельными отверстиями, изготовлены деревянные щиты, перекрывавшие дверные проемы в двух помещениях верхнего этажа.

⁹ В настоящее время полная обработка коллекции ещё не завершена.

¹⁰ Наличие этой, как и ещё нескольких категорий, уникально для памятника эпохи раннего нового времени, так как в археологически они в обычных условиях не сохраняются.

¹¹ Публикация части комплекса военного костюма см. [32].

¹² Подробная публикация части коллекции: [32, с. 495–497].

что таким образом маркировался размер парика¹³. Большая часть шапочек оснащена вентиляционными окнами, заполненными нитяной сеткой. На внешней поверхности расположены ряды петель, в которые производилась закрепление волосяного покрова, состоящего из связанных в пучки волос различной длины. Отметим, что, несмотря на приказ изготавливать парики из овечьей шерсти, все образцы в коллекции изготовлены из человеческих волос — светлых, темных и рыжих, иногда смешанных даже в пределах одного парика. Учитывая, что военная мода этого периода предусматривала исключительно светлые парики, вероятно в ходе носки предусматривалась посыпка парика светлой пудрой. На части париков в районе висков сохранились удлинённые пряди — распрямившиеся букли. Завивка буклей [30, с. 11], согласно приказу, осуществлялась «на бумажки», а среди массового материала обнаружено несколько сотен деревянных палочек¹⁴. Первоначально данные изделия были определены как «коклюшки» из-за их схожести с приспособлениями для плетения кружев. Впоследствии было выяснено, что подобные приспособления, деревянные и керамические, имеют аналогии в фондах европейских музеев¹⁵ и являются прототипами современных бигуди. В англоязычных источниках XVII–XVIII вв. они обозначаются термином «wig curlers», синхронный русскоязычный термин авторам выяснить не удалось. Часть «коклюшек» из кадетского корпуса обернута кусками бумаги, подтреугольной формы, часто использовались фрагменты документов. Вероятно, при завивании букли стержень вместе с бумагой оборачивался волосами, затем деревянная часть выдергивалась, а бумажная оставалась в букле. Также с париками связана серия шёлковых бантов, атрибутированных как банты, закрепляемые на косах париков [30, с. 11]. Примечательно, что подобная коса с бантом изображена на рисунке, обнаруженном в составе коллекции (Илл. 92.15). Рисунок, по всей вероятности, изображает «охотничью» сцену с всадником и собакой, прослеживаются и конское снаряжение (ольстр с пистолетом, лука седла, стремяна и поводья), и одежда — расстегнутый кафтан с пуговицами (по всей длине полы, на клапане бокового кармана и обшлагах), манжет нижней рубахи, ботфорты и коса парика. Характер показанных элементов формы позволяет датировать изображенный комплекс самым концом 1720-х гг.¹⁶

Крупная, более сорока предметов, серия находок не имеет прямых аналогов, так как в настоящий момент в музейных коллекциях Европы сохранилось не более сотни оригинальных париков XVII–XVIII вв. В основном это парадные предметы, значительная часть которых относится к гражданскому костюму¹⁷, часть — принадлежала высоко-

¹³ Все парики, за исключением двух, имеют небольшой размер (от 53 до 56 в современной линейке размеров), т. е. они использовались кадетами подросткового возраста.

¹⁴ Диаметр 5–10 мм, длина в пределах 3–5 см, с сужающейся средней частью.

¹⁵ Напр. «wig curlers» (англ.) XVII–XVIII вв. из коллекции Музея Виктории и Альберта (Великобритания): инв. №№: Т. 19-1928; Т. 216-1914; 4318-1901.

¹⁶ Датировка рисунка (конец 1720-х гг.) — А. Юшкевич (Минск), Р. Паласиос-Фернандес (Москва), С. Шаменков (Одесса).

¹⁷ В частности, серия гражданских париков начала XVIII в. обнаружена подводно-археологической экспедицией РГО при исследованиях корабля «Архангел Рафаил», затонувшего в Финском заливе в 1724 г.

чайшим особам¹⁸, и таким образом, обнаружение серии рядовых, ординарных предметов, практически неизвестных в музейных собраниях, делает данную коллекцию уникальной.

Помимо собственно париков в составе коллекции обнаружены предметы, определяемые как «потники» — холщовые шапочки, используемые с гигиеническими целями — для предотвращения непосредственного контакта парика с кожей головы. Данные изделия имеют размеры соответствующие современным 58 и 60 и, скорее всего, принадлежали взрослым чинам корпуса — офицерам или персоналу.

Ещё один предмет [32, с. 498–499], вероятно имеющий отношение к головным уборам, представляет собой сшитое из красного сукна изделие вытянутой формы с закругленным верхом¹⁹, набитое соломой; изнаночная сторона изготовлена из тонкой кожи. В нижней части предмета подшита полоса кожи, шириной порядка 12 см, первоначально перегнутой примерно в середине своей высоты. Полные первоначальные габариты полосы определить невозможно, так как она сильно изрезана и повреждена насекомыми. На суконной части изделия имеются следы потёртостей по краю и, малоразличимые отпечатки некоего предмета в центре. Е. И. Юркевичем было высказано предположение, что данный предмет является налобником гренадерской шапки. Гренадерки начального этапа кадетского корпуса известны в виде нескольких сохранившихся образцов (См. [30, с. 11, 13, 23–25; 18, с. 23]). Налобников полностью соответствующего типа среди них не известно, но в коллекциях мы не имеем всех упомянутых документами образцов шапок. Кроме того, помимо парадных гренадерок упоминаются так называемые «вошанки» — упрощённые головные уборы, использовавшиеся во «время учений и „внутренних парадов“» [30, с. 13]. В любом случае, форма данного предмета близка к облику характерных для всех европейских армий гренадерских «митр», так что подобная атрибуция имеет право на существование.

Детали верхней одежды также широко представлены в исследуемой коллекции²⁰. Порядка двадцати предметов представляют собой детали подкладки отдельных частей одежды: рукавов, карманов, бортов, воротов, изготовленных из холста или крашенины. Часть находок представляет собой детали верхней одежды с прослеживаемой цветовой гаммой. К сожалению, состояние предметов не позволяет определить их принадлежность к конкретным образцам униформы. Среди них пять деталей однозначно определяемы как борта мундирного платья — кафтанов и камзолов. Два из них имеют остатки внешней суконной ткани красного цвета: один зелёного, ещё один василькового для внешней стороны и красного для внутренней. Наконец, ещё одно изделие имеет основу, изготовленную из холста: внутренняя сторона обшита чёрным сукном, внешняя — неярким серо-зелёным, отличного от оттенков зелёного сукна, встречаемого как на униформе корпуса, так и других частей армии XVIII в. Отметим, что данный предмет, имеющий характерное, до пояса, расположение петель для пуговиц, достигает в длину 81 см, т. е. был изготовлен для взрослого человека.

¹⁸ Парик «из собственных волос», из состава гардероба «Восковой персоны» Петра I (ГЭ. инв. № ЭРТ-8556); алонжевый парик 1714 г. Карла XII (Livrustkammaren инв. № 11874 (3474)).

¹⁹ Размер изделия 19,8×12,9×2 см.

²⁰ Подробная публикация части коллекции: [32, с. 499–501].

Из деталей, имеющих отношение к мундирной одежде, выделяются находки серии подкладочных деталей рукавов, в том числе с остатками суконного отворота тёмно-красного цвета, и подкладок карманов, карманных клапанов, воротов и спины. Встречены и отдельные детали суконной мундирной одежды: погон зелёного цвета на красной подкладке²¹, карманный клапан красного сукна и множество отдельных фрагментов ткани в основном зелёного цвета с неопределимой конструктивной принадлежностью. Помимо крупных фрагментов в ходе работ встречена масса обрезков подкладочного материала и сукна²², множество портновских булавок, пуговицы, шпули и клубки ниток, портновские ножницы. Данный комплекс находок позволяет предположить нахождение в Наугольных палатах корпусной закроечной, где производилась подгонка, а возможно и пошив одежды для кадет и чинов корпуса.

Из находок крупных деталей одежды отметим часть нагрудной детали двубортной одежды из чёрного сукна с прослеживаемыми остатками рукавной проймы и деревянной обтяжной пуговицей. Предмет, возможно, имеет гражданское происхождение, но нужно отметить, что в Первом кадетском корпусе бытовала и одежда чёрного цвета, выдававшаяся за «леность в науках и за другие непорядочные поступки» [30, с.10]. Примечательна также находка рукава верхней одежды из грубого отбеленного холста с обшлагом, застегивающимся на две пуговицы²³. Осторожно попробуем соотнести эту находку с бытовавшими в начале 1730-х гг. белыми повседневными холщовыми «кителями» [30, с. 8; 20, с. 63]. Среди находок также встречены предметы, применявшиеся для ухода за одеждой — щётки с деревянной основой и щетиной из конского волоса.

С одеждой использовались пуговицы, документы свидетельствуют о закупках пуговиц медных, деревянных и обтяжных [30]. Находки (Илл. 93) показывают большое разнообразие типов и размеров пуговиц, использовавшихся в униформе корпуса²⁴. Наиболее массовый тип — деревянные пуговицы с латунной обтяжкой и ушками из так называемой «голландской нити» (животных жил). Этот тип большого и малого размера²⁵ составляет основную (порядка 75 %) часть находок пуговиц. Реже встречаются деревянные и костяные пуговицы с латунной обтяжкой и ушками из металлической проволоки. Второй по распространенности тип (ок. 10 %) — металлические паяные из двух частей. Подобные пуговицы встречается также на исследованных археологических

²¹ Приказ от 31 июля 1732 г. вводил цветные погоны для кадет первой роты красные, второй — жёлтые, третьей — зелёные. См. [30, с. 8].

²² Зелёного, красного, чёрного, коричневого, жёлтого и василькового цвета, в общей сложности более 1000 фрагментов.

²³ Отметим забавный момент — данный предмет некоторое время находился во вторичном использовании — характерные следы затёртости и прорванное в центре отверстие, позволяют предположить, что он некоторое время использовался в качестве половой тряпки, надеваемой на швабру. Остатки деревянной швабры с волосяной щеткой также имеются в составе коллекции.

²⁴ Всего обнаружено более 2500 пуговиц, их фрагментов и деталей. Все типы пуговиц из металла или с металлическими элементами изготовлены из латуни (кроме единичной находки пуговицы-гирьки и штампованных цинковых), в приказах по корпусу они названы «медными», в пределах этих типов одновременно сосуществуют гладкие и орнаментированные экземпляры.

²⁵ Разброс фактических размеров этих двух типов пуговиц — кафтанных и камзольных необычайно широк, встречаются образцы среднего размера. Размеры пуговиц от минимальных — диаметр 1.1 см до максимальных 4.5 см.

памятниках, связанных с русской армией периода конца 1730-х гг. на острове Хортица [12, с. 207–209; 11, с. 153]. Единичны паяные пуговицы с ушками из «голландской нити», штампованные одночастные с припаянным ушком и оловянные пуговицы-гирьки. Кроме металлических пуговиц, встречаются костяные с ушком и деревянные обтяжные с покрытием из ткани или с обмоткой нитками или тонким шнуром. Также встречены плоские костяные и деревянные точеные пуговицы с 4–5 отверстиями и штампованные цинковые, использовавшиеся, вероятно, для потайных застёжек. Прикреплялись пуговицы, как нитками, так и при помощи сыромятных ремешков (Илл. 93.9). Помимо пуговиц, для застёжки одежды использовались крючки с петлями — «железные и медные». К этой же категории, вероятно, относится ещё один тип одежной фурнитуры, визуально представляющий собой трапециевидные пластинки (Илл. 93.8) с рельефным изображением раковины, тремя отверстиями для пришивания и ещё одним крупным отверстием или крючком для застёгивания на одном из углов. Подобные застёжки неизвестны на сохранившихся образцах военной одежды, но массово встречаются на местах лагерей армии эпохи Миниха (к сожалению, происходят в основном из грабительских раскопок) и синхронных солдатских погребениях [11, с. 152], чаще всего они располагаются в районе пояса погребённых. В коллекции имеется один целый предмет подобного типа, изготовленный из меди, и аналогичное повреждённое изделие из свинцово-оловянистого сплава.

Документы свидетельствуют о выдаче кадетам нижних рубаш из тонкого и грубого полотна [30, с. 10]. Среди находок обнаружено несколько рукавов от рубаш, при этом часть из них находились во вторичном использовании — были превращены в мешочки путем завязывания или зашивания конца рукава²⁶. Часть рукавов имела обшлаг с петлями, подразумевающими застёжку на запонку. Собственно запонки являются используемыми в обмундировании нерегламентированными предметами и представлены серией находок. Наиболее простой тип (Илл. 93.1–93.2, 93.5–93.7) представляет собой шпенёк с плоской основой и выпуклым верхом. Встреченные образцы изготовлены из кости, латуни, цинка или олова, иногда украшены вставками из цветного стекла. Второй тип (Илл. 93.3–93.4) представлен конструкцией из двух головок соединённых продолговатым кольцом. Во всех случаях головки украшены стеклянными вставками. В одном (Илл. 93.4) случае вставки представляют собой подражание античным камням — стеклянную основу с подложкой из фольги и изображением мужского профиля.

Для ношения на руках [32, с. 504] кадетам выдавались замшевые перчатки с «малыми» раструбами [30, с. 10]. Экземпляр подобной перчатки встречен среди находок. Кроме того, обнаружены целая с крагеном и фрагментированная перчатки из белой кожи и рукавицы из лосиной замши (подобные полагались рейтарам) [30, с. 20] и из коричневой кожи. Остатки зимней одежды в находках практически не прослежены за исключением фрагмента обшлага меховой одежды, вероятно, тулуза или шубы.

Значительную часть коллекции составляют целые и фрагментированные образцы обуви, а также чулки и гетры (Илл. 93). Часть предметов обуви невоенного происхождения из данной коллекции уже опубликована [34]. Основную часть находок состав-

²⁶ Подробная публикация части коллекции: [32, с. 502–503].

ляют башмаки с жесткой подошвой и каблуком, застегивающиеся при помощи двух ремешков с пряжками или завязками. Данный тип обуви появляется в России в XVII в. как элемент общеевропейской гражданской моды, в армии же вводится вместе с «мундирным платьем» [29, с. 36]. Археологически он известен уже в слоях XVII в. [16, с. 43]. Образцы обуви, применявшиеся в армии периода Анны Иоанновны, конструктивно не менялись со времен Северной войны: указы, регламентировавшие их изготовление, выходили в 1716 и 1722 гг. В них расписывался в первую очередь тип применяемой при пошиве кожи («дегтярный» или «сальный товар») [29, с. 50–51]. Документы описывают параллельно использовавшееся типы обуви, различавшиеся по форме носка: «тупоносые», «круглоносые» и «остроносые». Судя по всему, это были имевшие параллельное хождение образцы, а не менявшиеся в силу веяний моды подтипы одной модели. В рассматриваемой коллекции имеются все три типа, хотя документы корпуса предписывают ношение именно тупоносых «смазных» башмаков [30, с. 10]. Все они изготовлены на симметричной колодке, однако в ходе носки владельцы, вероятно, разделяли правый и левый башмаки, так как основная масса предметов имеет характерные деформации и следы износа²⁷.

Целые формы тупоносых башмаков (Илл. 94.17–94.18) представлены в коллекции несколькими экземплярами²⁸. Данный тип обуви распадается на два подтипа: с пришитым и с формованным носком. При этом второй подтип характеризуется жёсткой конструкцией носка, усиленной берестяной вставкой. Два предмета имеют размеры соответствующие современным 38–39 и 41, то есть использовались, вероятно, взрослыми людьми. Однако в коллекции имеются детали подобного же типа башмаков, но значительно меньшего размера. Отметим наличие на каблуках именно этого типа железных подбивочных гвоздей с крупными полукруглыми шляпками и находку отдельного каблука, также подбитого гвоздями (Илл. 94.16). Данные находки особо интересны, так как в современной историографической традиции сформировано мнение об отсутствии на русской военной обуви XVIII в. ошиповки, характерной для большинства европейских армий. Действительно подбивочные гвозди отсутствуют в документах русской армии этого времени, кроме того, существует указ Петра I 1715 г.²⁹, прямо запрещающий как торговлю упомянутым скобяным товаром, так и носку подбитой обуви. Однако, помимо наших находок, на территории Петербурга имеется ряд памятников, где были обнаружены подобные образцы обуви, — в Новой Голландии [26] и в месте квартирования Невского полка [22, с. 355–356]. Имеется ещё ряд находок, позволяющий предположить подобную, характерную для других европейских армий практику и для России.

Башмаки с круглым и приостренным носком встречены в коллекции в большом количестве целых и фрагментированных экземпляров (Илл. 94.12–94.14). Помимо формы носка данные типы конструктивно не отличаются от тупоносой обуви. Однако

²⁷ Все антропологические измерения и обмеры обуви, выполнены Д. А. Красиной д. м. н. профессором кафедры Хирургических болезней детского возраста ФГБОУ ВО СПбГПМУ.

²⁸ Кроме того имеется ещё один башмак первого подтипа, в ходе эксплуатации переделанный в домашнюю туфлю (путем удаления задника и ремней).

²⁹ «О неторговании в Санктпетербурхе скобами и гвоздями употребляемыми на подбивку сапогов и башмаков, мужских и женских». ПСЗРИ, Т. 5 (1713–1719), с. 166, № 2929.

все встреченные экземпляры имеют небольшой размер (в пределах современных 32–35), и вероятно, представляют основной тип кадетской обуви. Сапоги военного типа (Илл. 94.10–94.11) представлены в коллекции двумя экземплярами без голенищ. Обувь имеет сравнительно острый носок, возможно, при изготовлении использовались те же колодки, что и для производства «остроносых» башмаков.

Среди обуви определён невоенного происхождения (Илл. 94.24) выделяется единичная находка лыкового лаптя [34, с. 198, 200] и фрагмент (нижняя часть без голенища) сапога (Илл. 94.9) [34, с. 198, 200–201]. Сапоги подобного типа нехарактерны для армий начала XVIII в., при том, что находки схожих типов обуви присутствуют в городских слоях московского времени. Данный тип, характеризуемый округлой, формованной на болване головкой, и пришитым голенищем, зафиксирован среди находок в Москве, Пскове, Ивангороде, Мангазее, Новгороде и ряде других городов [17; 14; 15; 24]. Учитывая сравнительно крупный размер данных предметов (размеры лаптя соответствуют современному 41–42, сапога — 40–41 размерам), возможно, принадлежавших взрослым людям, скорее всего, использовавшихся многочисленным подсобным персоналом корпуса [30, с. 5], не имевшим специальной униформы, и, вероятно, носившим традиционную одежду и обувь.

Среди обнаруженных находок есть образцы обладающих всеми признаками дорогих, элитарных предметов. В частности — находка детского башмачка (Илл. 94.15), из тонкой тисненой кожи, с рисунком в виде параллельных линий. Данный образец исходно выполнен на несимметричной (на левую ногу) колодке, при этом он повторяет форму строевого башмака. Важно также отметить заметную в сравнении с остальными находками аккуратность изготовления. Это один из самых маленьких предметов обуви в коллекции, предназначенный для ребенка возрастом не более 4–5 лет³⁰, что подтверждает наличие в корпусе малолетних кадет (кадет 2 возраста). Из качественной кожи выполнена также мужская домашняя туфля (Илл. 94.20), хотя среди находок встречены предметы подобного же назначения, изготовленные (Илл. 94.19) путем переделки, удалением затяжных ремней и задников, старых строевых башмаков. Аналогично «модифицированная» солдатская обувь XVIII в. встречена при исследовании Колтовской слободы [22, с. 355–356].

Ещё один тип обуви (Илл. 94.21), характеризуется низким каблуком из одного-двух слоев кожи, закрепленным прошивкой, тонкой подошвой, острым носом, короткими затяжными ремешками с регулировкой при помощи завязок. По сравнению с военной, эта обувь изготовлена из сравнительно мягкой и тонкой кожи. При некоторой схожести со строевыми башмаками, данные предметы ими явно не являются. Прямые аналоги обнаруживаются среди многочисленных кожаных изделий московского времени. Это так называемые «туфли», имевшие широкое распространение, как в общеевропейской, так и в русской традиции конца XVI–XVIII вв. [24, с. 41–43]. Отметим, что наш предмет изготовлен для маленького ребенка, возрастом до 4–5 лет.

С обувью использовались пряжки, которые представлены в коллекции целыми и фрагментированными образцами³¹. В современной литературе не сложилось одно-

³⁰ Определение Д. А. Красавиной.

³¹ Подробная публикация части коллекции: [32, с. 507–508].

значных критериев, позволяющих отделить обувные пряжки от одежных, тем более что известны случаи изготовления всех типов пряжек в виде единых гарнитуров. Представленные в коллекции целые экземпляры имеют одно, двух и трёх-шпеноквые зацепные устройства³². Визуальный анализ ремешков на целых экземплярах обуви демонстрирует наличие как одиночных, так и парных отверстий и соответственно использование пряжек с соответствующим количеством шпенок. Документы упоминают заказы пряжек для обуви, хотя их образец в документах не указан и не описан [29, с. 51]. Один из обнаруженных типов пряжек — овальных, с одним шпеном, наиболее простого, недекорированного типа, имеет аналоги на обуви из комплекта «Восковой персоны»³³ Петра I.

Чулки были введены в русской армии вместе с остальным комплектом европейской формы. В кадетском корпусе использовались два типа чулок — нитяные и шерстяные [30, с. 10], представленные среди находок (Илл. 94.3–94.5, 94.7–94.8). Первые представлены фрагментами нижних частей чулка, надевавшихся на стопу (Илл. 94.7–94.8). Все они были изготовлены из небеленой трикотажной ткани машинного плетения, подошвенная часть подшита холщовым полотном. Ещё один подобный предмет (Илл. 94.3), также изготовлен из трикотажной ткани машинного плетения. При этом он представляет собой верхнюю часть чулка без стопы, и верхний, и нижний края аккуратно обработаны, обмётаны нитью, характер шва в обоих случаях одинаковый. Вероятно, это или исходно изготовленное изделие, или чулок с изношенной и отрезанной нижней частью, аккуратно приспособленный к дальнейшей носке. Шерстяные чулки (Илл. 94.7–94.8) представлены двумя фрагментами, найденными вместе и, вероятно, исходно представлявшими единый комплект. Они изготовлены машинным способом из тёмно-коричневой шерстяной нити. Парусиновые или кожаные штиблеты («гетры» или «штивени») упоминаются в документах русской армии с 1707 г. [29, с. 37]. В кадетском корпусе 1730-х гг. они выдавались по три пары на год [20, с. 97], к каждой паре полагалось по две дюжины медных пуговиц. В коллекции выявлены два подобных предмета (Илл. 94.1–4.2), изготовленных из некрашеной парусины. Ещё одна категория предметов, имеющих отношение к обуви, — тёплые стельки из толстого войлока (Илл. 94.6).

Кроме описанных элементов униформы, коллекция Первого кадетского корпуса насчитывает некоторое количество предметов, явно относящихся к женской субкультуре. В штатах 1732 г. в составе прислуги упомянуто несколько «женских» должностей [30, с. 66]. Можно предположить, что им принадлежали некоторые предметы, обнаруженные в ходе работ — стеклянные бусы и фрагмент ситцевой ткани с набивным рисунком. Ткань соотносится с ситцевыми светлофонными платками с синим набивным рисунком; ближайшие аналоги которым можно найти в более позднее время, например, среди продукции Трёхгорной мануфактуры в Москве [9, с. 12–15].

Наличие стеклянных бус в памятниках археологии Нового времени считается явным «женским» признаком [22, с. 358]. Они, по определению Ю. А. Лихтер, являются маркером «деревенской» культуры, так как жительницы города и аристократки предпочи-

³² Последние, вероятно, использовались в качестве застёжек для галстуков. См. [46, р. 122–123].

³³ ГЭ, инв. № ЭРТ-8556.

тали носить ожерелья [3, с. 68]. В коллекции имеется несколько цветных стеклянных бус, а также низка бисера голубого, зелёного и белого цветов. Все они выполнены в технике навивки и имеют правильную округлую форму. Ближайшие аналогии данным предметам обнаруживаются в материалах с территории Липецка [19, с. 358], а также, среди находок из погребений североамериканских индейцев [41, р. 26]. Распространение прозрачных стеклянных бус в начале XVIII в. происходило в основном из Голландии, являвшейся активным торговым партнером России и имевшей колонии в Северной Америке. Многочисленные воспоминания кадетов уже XIX в. свидетельствуют о других представительницах женского пола, находившихся в Кадетском корпусе. К. Зенденгорст [6] и С. Н. Глинка [5] упоминают родственниц учеников, надзирательниц за младшими классами, преподавательниц и членов семьи директора корпуса. Экстраполируя эти сведения на более раннее время, можно предположить, что дорогие и редкие элементы женского костюма, найденные в здании корпуса, принадлежали именно этим категориям. Стоит отметить находку фрагментов костяного веера — 11 пластинок и обломок осевого узла (Илл. 95.1). К 1730 г. веер входит в перечень обязательных вещей из приданого дворянской девушки и является традиционным атрибутом именно аристократии, так как купчихи и мещанки предпочитали обмахиваться платком [13, с. 17]. Первоначально веера выглядели как изделия из кости, без резьбы и орнамента. Ко второму этапу развития веерного мастерства относится период Елизаветы Петровны, которая взяла производство вееров под свое покровительство [13]. Для рубежа XVIII–XIX вв. характерны веера маленького размера, обтянутые тюлем, кисеёй и кружевом [13, с. 19]. Поскольку обтяжка веера из коллекции не сохранилась, невозможно сказать, была ли она тканевая или бумажная. По сохранившемуся костяному каркасу мы можем его приблизительно датировать 1730–40 гг.

Самой примечательной находкой, пожалуй, является сохранившаяся обувь: пара дамских туфель (Илл. 94.23), деревянный каблук и фрагмент тканевого галуна с кожаной подошвой (Илл. 94.22). На правой туфле из пары сохранились подошва, каблук, носок, задник, а также фрагменты боковин; на левой, при аналогичном наборе сохранившихся деталей, отсутствует каблук. Примечательно, что для каждой туфли использована разная колодка, хотя в XVII–XVIII вв. была распространена обувь, сшитая по одной колодке. На правой туфле сохранился деревянный каблук, со следами обтяжки орнаментированной тканью³⁴. Подошвы туфель сделаны из кожи, по краям обуви сохранились фрагменты шелковой обтяжки, вероятнее всего, срезанной перед выбросом данной пары. Для обуви XVIII в. характерен переход от тяжёлых к легким формам с выгнутым каблуком и заостренным носом, для обтяжки использовался атлас и шёлк [23, с. 134]. Среди находок имеется небольшой фрагмент красной парчовой ткани с растительным орнаментом, применительно к которому мы можем предположить использование подобной ткани в обтяжке дамской обуви.

На фрагменте башмачка с тканевым галуном (Илл. 94.22) можно увидеть плотную клетчатую ткань и фрагмент обтяжки с орнаментом, что позволяет говорить о том,

³⁴ Имеющийся в коллекции деревянный каблук, скорее всего, относится к левой туфле из данной пары.

что для изготовления обуви использовалась простая ткань, которая затем обшивалась более дорогим материалом. Датировка предмета указывает на период 1740–50-х гг., характерным датирующим признаком является носок обуви, на нашем образце он имеет загнутую и притупленную форму, а к концу века «заостряется» [23, с. 136]. Аналогии данным находкам обильно представлены в европейских музеях и частных коллекциях.

Предметы вооружения и снаряжения Первого кадетского корпуса описаны в документах и литературе, присутствуют также и в музейных собраниях [30]. Среди находок [32, с. 508–509, 511] имеются детали огнестрельного оружия: курок кремневого замка, подогнивные пружины и серия ружейных кремней. Обнаружена и серия свинцовых пуль (калибром от 11 до 18,2 мм), часть с необрезанными литниками. В современной литературе именно такой тип пуль считается характерным для русской армии от московского времени до середины XVIII в. Считалось, что литник служит для подвязывания бумажного патрона к пуле [39, с. 15]. Из деталей холодного оружия [32, с. 508–509, 511] присутствует серия из трёх обломков клинков шпага, двух крючьев для крепления устья ножен в портуpee и наконечников ножен. Примечательно, что два из трёх наконечников имеют характерный износ, в виде стёртости внешнего конца под углом в 45⁰, вероятно низкорослые кадеты постоянно задевали полы концами ножен. Из предметов снаряжения обнаружены отдельный пассивный ремень и фрагмент лопасти для ножен шпаги. Лопасть относится к наиболее распространенному типу начала XVIII в. и имеет ряд аналогий из европейских музеев, в том числе лопасть от портуpei из так называемого «полтавского» комплекта Петра I³⁵.

С военным делом непосредственно смыкается такая категория материала, как военная игрушка. Среди находок из кадетского корпуса мы видим несколько примеров такого рода³⁶. К рассматриваемому периоду относятся фрагменты кукол-марионеток (нем. *hampelmann*, *marionette*): обнаружены ноги от фигурки человека в сапоге-ботфорте и от куклы лошади (Илл. 92.1–92.2). Ножка в сапоге, возможно, является частью марионетки традиционного для Германии и Австрии персонажа *Hanswurst*, куклы народного театра, часто изображавшегося в утрированной военной форме [45]. Находки деталей подобных кукол известны в археологических слоях Петербурга [33, с. 381]. Кроме того, в коллекции представлены солдатики традиционной оловянной нюрнбергской плоской миниатюры (Илл. 92.3, 92.5–92.7). Примечательно, что все они относятся к периоду, предшествовавшему стандартизации размеров фигур в середине XVIII в. [38, р. 9]. Три из четырёх обнаруженных фигурок изображают животных: петуха, собаку и теленка или волка. Подобный характер изображений не удивителен — в технике нюрнбергской

³⁵ ГИМ. Инв. № ГИМ 68257/24470.

³⁶ Категория военной игрушки, включающая, в том числе солдатиков, представлена в коллекции достаточно широко и не ограничивается первой половиной XVIII в., здесь встречены и более поздние, XIX — начала XX в. материалы, так как благодаря небольшим размерам эти предметы часто терялись, проваливаясь в щели пола. В частности есть находки деревянного солдатика изготовленного в традициях сергиево-посадской расписной игрушки XIX в., фрагменты и отдельные целые фигурки оловянной нюрнбергской миниатюры, включая продукцию известной фирмы «Henriksen», и детали полубъёмных оловянных фигурок, также относящиеся к XIX в. Особая благодарность за консультации художнику-граверу В. Н. Нуждину и сотрудникам ГММ А. В. Суворова А. Н. Лукирскому и О. Н. Островскому (Санкт-Петербург).

фигуры изготовлялись (и изготовляются) изделия с различными сюжетами, в том числе образами животных, которые в XVIII в. были весьма популярны³⁷. Осмотр поверхности показывает, что они никогда не были окрашены, но одна из фигурок была покрыта медным купоросом. Такой тип покрытия традиционно используется в качестве грунта перед раскраской оловянных фигур масляными красками. Ещё один солдатик (Илл. 92.7) сильно повреждён: у него отсутствует голова и нижняя часть ног. Миниатюра изображает именно военного: показан человек с барабаном, в характерном мундире второй четверти XVIII в., вооруженный шпагой или тесаком и держащий в руках барабанные палочки. Размер сохранившегося фрагмента — 52×33 мм, т. е. первоначальная высота фигурки была порядка 70–80 мм. По мнению В. Н. Нуждина, она выпущена мастером из круга И.-Г. Хилперта, с наибольшей степенью вероятности в Страсбурге в 1750-е гг., или это копия оригинальной игрушки, изготовленная на территории Нидерландов. Также в Нидерландах, в музее Дельфта, хранится «парад гренадер» [38, р. 7] — серия солдатиков, включающая фигуру барабанщика, близкую, но не тождественную находке из Наугольных палат. Макросъемка поверхности показала наличие остатков окраски, содержащей зелёную, красную и, возможно, белую краску, т. е. цветов характерных для русской армии (Илл. 92.7а). В таком случае представляется ситуация, когда фигурка, безусловно импортированная из Западной Европы, была раскрашена в цвета русской армии, и по всей вероятности, уже на российской территории.

Игра в солдатiki была не единственной формой досуга практиковавшейся обитателями кадетского корпуса. Два предмета (Илл. 92.4, 92.12) — объёмная женская фигурка из свинцово-оловянистого сплава и поливной керамический человечек — представляют собой остатки детских игрушек, причем последняя имеет многочисленные аналоги на территории Петербурга и других восточноевропейских городов [21, с. 92–98]. Находка шахматных фигур демонстрирует доступность настольных игр. Единственная фигура (Илл. 92.9), уверенно датируемая периодом до середины XVIII в., — деревянная, точёная, изображающая, скорее всего, пешку, имеет устойчивую традицию, связывающую её с более ранним, московским и даже древнерусским временем [25, с. 92, 95]. Имеется и одиночная находка точёной игральной шашки со следами чёрной окраски (Илл. 92.10). Многочисленные (Илл. 92.14) находки игральные карты³⁸ позволяют говорить о массовом распространении карточной игры в стенах корпуса. Изучение этой коллекции требует отдельного исследования. Отметим только, что за 1730-е гг. в корпусе вышло несколько приказов, строжайше запрещающих игру в карты³⁹. Сами карты, изготавливавшиеся из плотного картона, могли становиться материалом для поделок и игрушек, среди находок мы видим вырезанный из карты фронтон «домика» со скатом крыши и окнами (Илл. 92.13). Звучала в стенах корпуса и музыка. Помимо известных

³⁷ Отметим, что первая массовая серия фигурок крупнейшего мастера и организатора производства нюрнбергской фигуры середины XVIII в. И.-Г. Хилперта (Johann Georg Hilpert) — «обезьяны» [43, S. 71].

³⁸ Данные предметы могут быть отнесены к категории «изделия из бумаги».

³⁹ Например: приказ от 22.01.1733: «Хотя прежде многократными приказами запрещено, дабы кадеты отнюдь в карты не играли, но как известно, что и ныне некоторые играют, того ради иметь смотрение господам ротным офицерам и дежурному офицеру, чтоб в карты из кадетов никто не играл, под опасение жестокого штрафа» [30].

по письменным документам музыкальных инструментов — барабанов, труб и флейт — в составе коллекции есть два экземпляра таких специфических приспособлений, как варган (Илл. 92.10–92.11). Наличие данного типа инструмента характерно для эпохи Средневековья и раннего Нового времени всей Северной Европы, позднее он заменяется в народной культуре губной гармошкой [42]. Схожая ситуация наблюдается на древнерусской и московской территории, где варганы обнаруживаются как на сельских памятниках, так и в городских слоях, в том числе в Новгороде, Орешке и слоях XVII в. в Мангазее [8; 10, с. 94; 2, с. 294].

Ряд обнаруженных предметов особо характеризуют материальную культуру рассматриваемого периода. Отметим наиболее примечательные находки. В XVIII в. в корпусе использовалось исключительно свечное освещение; горящие свечи (вероятно, чаще использовались не восковые, а более дешёвые сальные) сильно коптили, что потребовало специального заказа на свечные ножницы, и при ремонте полов экземпляр подобного инструмента попал в межэтажную засыпку (Илл. 95.4). На современном фасаде Наугольных палат находится циферблат (кадран) солнечных часов, помещённый туда, в 1860-е гг. Он расположен вертикально на поверхности стены в районе окон верхнего этажа. В то же время, один из более ранних источников, рисунок Б. Патерсена конца XVIII в. «Вид набережной Васильевского острова у Академии Художеств в Петербурге», демонстрирует угол здания с солнечными часами, также расположенными на уровне окон верхнего этажа, но на горизонтальной полке таким образом, что осмотр часов возможен только из окон постройки. В 2019 г. при разборе засыпки углового зала верхнего этажа (т. е. именно того помещения, из окон которого могли наблюдаться ранние часы) был обнаружен латунный предмет (Илл. 95.3), атрибутированный как гномон солнечных часов, предназначенный для часов с горизонтальным кадраном. Угол наклона гномона свидетельствует о его изготовлении для широты южнее Петербурга, вероятнее всего, для территории Южной Германии, конкретнее Нюрнберга⁴⁰. Размеры предмета говорят о том, что он был предназначен для часов значительно меньшего размера, нежели изображённые на рисунке Патерсена. Подобные часы могли быть учебным пособием или же принадлежать к одному из ранних часовых устройств на фасаде Наугольных палат. Отметим также, что в археологической коллекции присутствуют и детали механических часов, например, часовые гирьки.

Ряд источников [20, с. 51] демонстрируют постоянную нехватку столовой посуды в корпусе. Основная часть находок посуды представлена хорошо известными, максимально дешёвыми типами, изготовленными из дерева и глины, хотя имеются отдельные предметы (вилки и ножи) более дорогих типов, с рукоятками из кости, а также стеклянные стаканы. При этом, мы наблюдаем крупные серии одинаковых предметов, в частности один из типов (Илл. 95.2) деревянных стаканов (точёные, с чёрно-жёлто-красной росписью) представлен десятками целых и фрагментированных образцов. Схожая ситуация наблюдается и для некоторых образцов керамической посуды. Вполне вероятно, что мы видим следы закупок крупных партий посуды на рынке или заказа их в артелях; подобная практика сохранялась в русской армии до XX в.

⁴⁰ Определение В. И. Дмитриева.

Изделия из бумаги, отдельная категория находок, практически никогда не представленная в археологических коллекциях. Помимо уже упомянутых игральные карты, она включает целые и фрагментированные документы, части печатных изданий⁴¹, рисунки, бумажную упаковку (прежде всего от колониальных товаров, в частности табака). Среди печатных изделий интересна находка (Илл. 96) части географической карты⁴², определённой как один из 24 листов карты Нидерландов, составленной в 1703–12 гг. Листы входили в состав атласа «Table de scartes des Pays Baset des frontières de France»⁴³, впервые выпущенного в 1712 г. брюссельским издателем Э.-А. Фриком (Eugène-Henri Frick, 1644–1730). Фрагменты обнаруженного в кадетском корпусе листа «Carte Particuliere des Environs de Louvain, Aerschot, Diest, Tirlemont, Leau, Iudogne, Malines, et de Partie du Pays de Liege»⁴⁴ изданы картографической фирмой «I. Covenet C. Mortier» в Амстердаме «Corrigée d'un Grand nombre des Fautes Surla Copie de Bruxelles Par E. H. Frick»⁴⁵, вероятнее всего в начале 1720-х гг. (фирма была основана в 1721 г.)⁴⁶. На карте показан участок территории Испанских, а затем Австрийских Нидерландов, в настоящее время — провинции Фламандский Брабант королевства Бельгия. На нашем экземпляре присутствует обозначение укрепленной линии вдоль реки Grote Gete (Tiense Gete), непосредственно на карте она обозначена как «nouvelles lignes»⁴⁷. Это, вероятно, отражение укреплений создававшихся французской армией во второй период Войны за испанское наследство для прикрытия военных лагерей в районе города Tirlemont (Tienen). После 1714 г., по окончании войны, данные укрепления были скрыты [40, р. 81]. На более поздних тиражах этих же карт (с изменениями и дополнениями они издавались до 1745 г.) [38] данные укрепления отсутствуют. Карта могла использоваться в корпусе как учебное пособие по географии или военной истории, так как Война за испанское наследство, самый крупный конфликт начала XVIII в., безусловно, изучался в корпусе. Наконец, среди многочисленных офицеров-иностранцев [7], преподававших в 1730-х гг., могли быть участники данной кампании.

Самые ранние документы в коллекции относятся к концу правления Петра I. В этом отношении интересны листы из «солдатской скаски» — личного дела начала XVIII в., и документ 1724 г. о переводе солдат Ингерманландского полка (Илл. 97.1). Учитывая, что первоначальный владелец здания, А. Д. Меншиков являлся не только губернатором Ингерманландии, позднее — Санкт-Петербургской губернии, но и шефом Ингерман-

⁴¹ Часть печатной продукции, в особенности имеющая следы типографского брака относится к более позднему периоду — второй половине XVIII в., когда в составе корпуса имелась собственная типография.

⁴² Состоит из пяти крупных и нескольких мелких фрагментов. Один из фрагментов имеет подтреугольную форму с ровными, вырезанными краями — по всей вероятности он использовался для завивки буклей парика, по крайней мере, фрагменты бумаги, которыми были обернуты «wig curlers» из коллекции Первого кадетского корпуса, имеют аналогичную форму.

⁴³ «Собрание карт Нидерландов и границ Франции» — *фр.*

⁴⁴ «Частная карта окрестностей городов Лёвен, Арсхот, Дист, Тинен, Леу, Жодуань, Мейзен и части земель Льежа» — *фр.*

⁴⁵ «с исправлением большого количества ошибок по брюссельской копии Э.-А. Фрика» — *фр.*

⁴⁶ Определение А. Хропова, с.н.с лаборатории картографии ИГ РАН.

⁴⁷ «новая линия» — *фр.*

ландского (изначально Князя Меншикова) полка⁴⁸, можно предположить, что в здании отложилось какое-то количество бумаг, связанных с предыдущим владельцем, возможно, остатки его личного архива в качестве полкового шефа.

Основная часть целых или фрагментированных, но читаемых, документов связана непосредственно с деятельностью корпуса. Изучение данного массива — задача отдельного исследования, сейчас же тезисно отметим, что уникальность этой коллекции в характере откладывавшихся документов, их наборе, кардинально отличающимся от подборки официальных документов корпуса⁴⁹. В составе коллекции — типы документов, никогда не попадавших в состав архивного хранения, и в то же время характеризующих повседневную жизнь: ученические прописи (Илл. 97.2)⁵⁰, задания по математике и иностранным языкам, кадетские увольнительные и рисунки (Илл. 92.15–92.16), списки личного состава, религиозные тексты⁵¹, личные письма, а также листы из календарей и печатных изданий на нескольких языках.

Данная публикация представляет только малую часть коллекции находок из здания Наугольных палат — Первого кадетского корпуса. Дальнейшая перспектива предполагает полную обработку коллекции с последующим изданием всего объема индивидуальных находок и массового материала.

Литература

1. Андреева Е. А. Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII века: описание палат, хором и сада. СПб.: Историческая иллюстрация. 2013. — 360 с.
2. Вазгалов Г. П., Пархомович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: «Магеллан», 2008. — 296 с.
3. Векслер А. Г., Лихтер Ю. А. Стекланные бусы из раскопок в Москве. Археология Подмоскovie: материалы научного семинара / РАН, Ин-т археологии; [отв. ред. А. В. Энгватова]. М., 2008. — Вып. 4. — С. 62–68.
4. Висковатов А. В. Краткая история Первого Кадетского корпуса / сост. бывшим воспитанником корпуса Александром Висковатовым. — СПб.: Воен. тип. Глав. штаба его имп. вел., 1832. — 113 с.
5. Глинка С. Н. Записки. — М.: Захаров, 2004. — 464 с.
6. Зенденгорст К. Первый кадетский корпус в 1813–1825 гг. Из воспоминаний бывшего воспитанника // Русская старина. — 1879. — Т. 24, № 2. — С. 305–316.
7. Имянной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе Штаб-Обер-Офицерам и Кадетам с показанием кто из оных с какими достоинствами в какие чины выпущены и в каких чинах ныне. Ч. 1. СПб., 1761. — 301 с.
8. Каменский А. Н. Варганы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — Вып. 32. — Великий Новгород, 2019. — С. 176–184.

⁴⁸ Приказ № 1937 от 19 июля 1703 г. о «наборе из вольноопределяющихся, тысячи человек самых лучших в полк губернатора Меншикова». ПСЗРИ. Т. 4. 1830. С. 223.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 314.

⁵⁰ Помимо собственно документов, коллекция демонстрирует и серии предметов предназначенных для создания документов, таких как чернильницы и гусиные перья.

⁵¹ С религиозной жизнью кадет связан как ряд документов и печатных текстов, относящихся к православной и лютеранской традициям, так и находки предметов: обложки, вероятнее всего, от лютеранского молитвенника, предметов личного благочестия различных конфессий, фрагмента оклада иконы и крышка керамической поливной казеи.

9. Каталог коллекции тканей. Коллекция клейменных набивных ситцевых платков вт. пол. XIX — нач. XX в. в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2009. — 80 с.
10. *Киричников А. Н.* Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. — Л.: Наука, 1980. — 127 с.
11. *Кобалия Д.* Новое погребение времени русско-турецкой войны 1736–1739 гг. на о. Хортица // Археологічні відкриття в Україні 2003–2004 рр. — Київ, 2004. — С. 152–153.
12. *Кобалия Д.* Обследование военного госпиталя 1738–1740 гг. на о. Хортица // Заповідна Хортиця, збірник наукових праць. — Запоріжжя, 2015. — С. 200–211.
13. *Короткова М. В.* Веер в русской повседневной культуре XVIII–XIX вв. и музейно-выставочном пространстве // Культурное наследие России. — Вып. 1. — 2015. — С. 16–23.
14. *Курбатов А. В.* Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // Российская археология. — 1995. — № 2. — С. 198–208.
15. *Курбатов А. В.* Обувная мода в костюме Московской Руси // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Научный журнал. — № 2. Серия: История. — 2009. — С. 467–495.
16. *Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в средневековой России. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. — СПб., 2012. — 56 с.
17. *Курбатов А. В., Овсянников О. В.* Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // Археологические вести. — 1999. — № 6. — С. 245–271.
18. *Летин С. А.* Русский военный мундир XVIII в. — М., 1996. — 114 с.
19. *Лихтер Ю. А.* Позднесредневековые стеклянные изделия (по материалам раскопок в Липецке) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. — Вып. 6. — М., 2009. — С. 350–360.
20. *Лузанов П. Ф.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Вып. 1. — СПб. 1907. — 188 с.
21. *Михайлова Е. Р., Шмелев К. В., Мурзенков Д. Н.* Колтовские «солдатики»: О находке керамических фигурок XVIII в. // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: Материалы III Международной военно-исторической конференции. — СПб., 2018. — С. 92–99.
22. *Михайлова Е. Р.* Находки в Колтовской и Шневенской слободах: материалы к истории петербургского быта XVIII — начала XIX в. // Жизнь и смерть в Российской империи. — М.: Индрик, 2020. — С. 348–362.
23. *Мустафаев Н. С.* Век 18-й: костюм и обувь. Из коллекции. — М.: Shoe Icons, 2021. — 295 с.
24. *Осипов О. Д.* Обувь московской земли XII–XVIII вв. Материалы охранных археологических исследований. — М.: ИА РАН, 2006. — 202 с.
25. *Рыбина Е. А.* Из истории шахматных фигур // Советская археология. — № 4. — 1991. — С. 86–101.
26. *Соболев В. Ю.* Отчет об охранных раскопках на территории острова Новая Голландия в Санкт-Петербурге в 2006 г. — СПб., 2007. Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
27. *Степанова А., Васильева Н., Широкова Н., Шмелев К.* Предварительные исследования ледника из Наугольных палат усадьбы А. Д. Меншикова (анатомия и состояние сохранности мокрой археологической древесины) // Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение. — Июль (1). — 2022. — С. 56–65.
28. *Сычиков А. Д.* Лексика крестьянского деревянного строительства: Материалы к словарю. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. — 292 с.
29. *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение / Под ред. В. И. Егорова. — М., 2008. — 235 с.
30. *Татарников К. В., Юркевич Е. И.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732–1762. Обмундирование и снаряжение. — М., 2009. — 80 с.
31. *Трубинов Ю. В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. — СПб.: Левша, 2003. — 172 с.
32. *Шмелев К. В., Михайлова Е. Р., Тарасов И. И.* Комплекс униформы и снаряжения начала XVIII в. из Наугольных палат Меншиковского дворца // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Десятой Международной научно-практической конференции 12–14 мая 2021 г. — Т. III. — СПб., 2021. — С. 493–513.
33. *Шмелев К. В., Мурзенков Д. Н., Федоров И. А.* Комплекс военной игрушки рубежа XVIII–XIX веков из раскопок на месте дома Н. Ф. Мусина-Пушкина на Фонтанке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 г. — Т. 5. — СПб., 2016. — С. 375–383.
34. *Шмелев К. В., Михайлова Е. Р.* «До износки употреблять в неспраздничные дни». Находки обуви XVIII в. из Первого кадетского корпуса // История военного костюма: от древнего мира до наших

- дней. Материалы V и VI Международных военно-исторических конференций. — СПб.: Изд-во СПбГУТД, 2020. — С. 194–212.
35. Шмелев К. В, Михайлова Е. П. Любопытства достойные вещи: Археологические исследования 1 кадетского корпуса. — СПб., 2021. — 28 p.
  36. Atlas des Pays Bas / sur la copie de Bruxelles par E. H. Fricx, 1745. — 24 c.
  37. Coad J. The Royal Dockyards, 1690–1850. — Scholar Press, Aldershot. 1989. — 399 p.
  38. D'Allemagne H. R. Histoire des jouets. — Paris, 1902. — 316 p.
  39. Englund T. Ryska truppförlyttningar till och från slagfälten vid Baggensstaket. — Skogsö, 2013. — 30 s.
  40. Hutsebaud J., Lombaerde P. Bastions zonderegrenzen. Damme, Sluis, IJzendijke. — Gorredijk, 2020. — 239 p.
  41. Kidd K. E., Kidd M. A. A Classification System for Glass Beads for the Use of Field Archaeologist // Canadian Historic Sites: Occasional Papers in Archaeology and History. — 1970. — P. 39–61.
  42. Kolltveit G. Jew's Harps in European Archaeology. Oxford, 2006. — 264 p. (BAR, International Series; 1500)
  43. Lill G. Nürnberger Zinnfiguren der Familie Hilpert in Kunst und Kunsthandwerk // Zeitschrift des Bayer. Kunstgewerbevereins München, 1920. — Heft 3. — S. 70–75.
  44. Shmelev C., Shirokova N., Vasilyeva N. Early 18th Century Ice-Chamber Discovered in St. Petersburg // ICOM-CC Archaeological Materials & Sites. — № 3. — 2020. — P. 3–5.
  45. Stefanski S. Der lange Abgang des Hanswurst: Zur Literarisierung eines volkstümlichen Lustigmachers. — Hagen: MV-Wissenschaft, 2018. — 118 S.
  46. Whitehead R. Buckles 1250–1800. Greenlight Publishing, 1996. — 126 p.

Название статьи. Наугольные палаты — Первый кадетский корпус в первой половине XVIII века. К презентации археологической коллекции

Сведения об авторах. Шмелев, Кирилл Владимирович — научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии культурного наследия им. Г. С. Лебедева. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. bamblebeec@mail.ru, k.shmelev@spbu.ru ORCID: 0000-0002-5376-6558

Муратбакиева, Анастасия Дмитриевна — стажер-исследователь Лаборатории археологии, исторической социологии культурного наследия им. Г. С. Лебедева. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. nmuratbakieva@gmail.com ORCID: 0000-0002-4835-4639

Аннотация. Статья посвящена археологическим и архитектурным исследованиям в здании Наугольных палат Меншиковского дворца, одного из архитектурных сооружений раннего Петербурга, в последствии Первого Кадетского корпуса и презентации части полученной археологической коллекции. В ходе работ выявлены образцы деревянной архитектуры — ледник и погреб, — и большое количество индивидуальных и массовых находок, относящихся к нескольким категориям. К категориям индивидуальных находок могут быть отнесены следующие позиции: документы и изделия из бумаги, детали вооружения, элементы униформы и военного снаряжения, детали гражданского костюма, обувь, детские игрушки, утварь, украшения и детали мебели и интерьера, предметы декоративно-прикладного искусства. Изделия выполнены из бумаги, металла, кожи, дерева, глины, стекла, кости и из комбинаций различных материалов. Находки из органических материалов уникальны для памятников эпохи раннего нового времени, так как в археологическом контексте они обычно не сохраняются. В данной работе рассматривается часть находок, относящихся к началу функционирования комплекса в первой половине — середине XVIII в.

Ключевые слова: ранний Петербург, дворец Меншикова, Наугольные палаты, Первый кадетский корпус, археологические находки, ледник, униформа, снаряжение, документы

Title. “Naugolnye palaty” — 1st Cadet Corps in the First Half of the 18th Century: Presentation of the Archaeological Collection

Authors. Shmelev, Kirill V. — researcher. Laboratory of Archeology, Historical Sociology and Cultural Heritage. Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. bamblebeec@mail.ru, k.shmelev@spbu.ru ORCID: 0000-0002-5376-6558

Muratbakieva, Anastasia D. — research assistant. Laboratory of Archeology, Historical Sociology and Cultural Heritage. Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. nmuratbakieva@gmail.com ORCID: 0000-0002-4835-4639

Abstract. This article deals with the archaeological and architectural research of the “Naugolnye palaty” building, a part of the Menshikov Palace, one of the early Petersburg buildings and the residence of the 1st Cadet Corps, and presents the early part of the archaeological collection. During the work, a sample of wooden architecture was found — an ice-chamber, and several other categories of archaeological finds. Among the individual finds are documents and paper products, fragments of weapons, uniforms, military equipment, civil clothes, shoes, children's toys, dishes, decorations, details of furniture and interior. The finds have been made of paper, metal, leather, wood, glass, bone, and combinations of different materials. Those made of organic materials are unique. This article examines some of the finds relating to the beginning of the use of the complex in the first half — middle of the 18th century.

Keywords: early Petersburg, Menshikov Palace, Naugolnye palaty, 1st Cadet Corps, archaeological finds, ice-chamber, uniform, equipment, documents

References

- Andreeva E. A. *Peterburgskaia rezidentsiia A. D. Menshikova v pervoi treti XVIII veka: opisanie palat, khorum i sada (Petersburg Residence of A. D. Menshikov in the First Third of the 18th Century: A Description of the Chambers, the Buildings and the Garden)*. St. Petersburg, Istoricheskaiia illiustratsiia Publ., 2013. 360 p. (in Russian).
- Atlas des Pays Bas sur la copie de Bruxelles par E. H. Fricx*. 1745. 24 p. (in French).
- Coad J. *The Royal Dockyards, 1690–1850*. Scholar Press Publ., 1989. 399 p.
- D'Allemagne H. R. *Histoire des jouets*. Paris, 1902. 316 p. (in French).
- Englund T. *Ryska truppförlyttningar till och från slagfälten vid Baggensstäket*. Skogsö, 2013. 30 p. (in Swedish).
- Hutsebaut J.; Lombaerde P. *Bastions zonderegrenzen. Damme, Sluis, IJzendijke*. Gorredijk, 2020. 239 p. (in Dutch).
- Kamensky A. N. Vargans from Excavations in Novgorod. *Novgorod i Novgorodskaiia zemlia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archeology)*, iss. 32. Veliky Novgorod, 2019, pp. 176–184 (in Russian).
- Kidd K. E.; Kidd M. A. A Classification System for Glass Beads for the Use of Field Archaeologist. *Canadian Historic Sites: Occasional Papers in Archaeology and History*, 1970. pp. 39–61.
- Kirpichnikov A. N. *Drevnii Oreshkek (Ancient Oreshkek. Historical and Archaeological Essays on the City-Fortress at the Neva Headspring)*. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 127 p. (in Russian).
- Kobaliya D. Examination of a Military Hospital in 1738–1740 on the Island of Khortytsya. *Reserve Khortytsia, Collection of Scientific Papers*. Zaporizhzhia, 2015, pp. 200–211 (in Russian).
- Kobaliya D. New Burial during the Russo-Turkish War of 1736–1739 on the Island of Khortytsya. *Archaeological Discoveries in Ukraine 2003–2004*. Kyiv, 2004, pp. 152–153 (in Russian).
- Kolltveit G. *Jew's Harps in European Archaeology (BAR, International Series; 1500)*. Oxford, 2006. 264 p.
- Korotkova M. V. The Fan in Russian Everyday Culture of the 18th–19th Centuries and Museum and Exhibition Space. *Kul'turnoe nasledie Rossii (Cultural Heritage of Russia)*, iss. 1, 2015, pp. 16–23 (in Russian).
- Kurbatov A. V. Leather Things of the Swedish Period from the Excavations of the Ivangorod Fortress. *Russian Archaeology*, 1995, no. 2, pp. 198–208 (in Russian).
- Kurbatov A. V.; Ovsyannikov O. V. Leather Products in the Cities of the Russian Arctic (Mangazeya). *Archaeological News*, 1999, iss. 6, pp. 245–271 (in Russian).
- Kurbatov A. V. Shoe Fashion in the Costume of Moscow Rus'. *Pushkin Leningrad State University Journal. History*, iss. 2, 2009, pp. 467–495 (in Russian).
- Kurbatov A. V. *Kozhevennoe remeslo v srednevekovoy Rossii (Leather Craft in Medieval Russia)*, Abstract for the Degree of Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg, 2012. 56 p. (in Russian).
- Letin S. A. *Russkii voyennyi mundir XVIII v. (Russian Military Uniform of the 18th Century)*. Moscow, 1996. 114 p. (in Russian).
- Likhter Iu. A. Late Medieval Glass Items (Based on Materials from Excavations in Lipetsk). *Arkheologiya Podmoskov'ia (Archeology of the Moscow Region: Materials of the Scientific Seminar of the Institute of Archeology RAS)*, iss. 6. Moscow, 2009, pp. 350–360 (in Russian).
- Lill G. Nürnberger Zinnfiguren der Familie Hilpert in Kunst und Kunsthandwerk. *Zeitschrift des bayer. Kunstgewerbevereins München*, 1920, iss. 3, pp. 70–75 (in German).

Mikhailova E. R.; Shmelev K. V.; Murzenkov D. N. Koltovskiy "Soldiers": On the Discovery of Ceramic Figures of the 18th Century. *Istoriia voyennogo kostiuma: ot drevnego mira do nashikh dney (History of Military Costume: From the Ancient World to the Present Day: Proceedings of the 3rd International Military-Historical Conference)*. St. Petersburg, 2018, pp. 92–99 (in Russian).

Mikhailova E. R. Finds in the Koltovskaya and Shnevenskaya Settlements: Materials on the History of St. Petersburg Life in the 18th — Early 19th Centuries. *Zhizn' i smert' v Rossiiskoi imperii (Life and Death in the Russian Empire)*. Moscow, Indrik Publ., 2020, pp. 348–362 (in Russian).

Mustafaev N. S. *Vek 18: kostium i obuv'. Iz kollektsii. (The 18th Century: Suit and Shoes. From the Collection)*. Moscow, Shoe Icons Publ., 2021. 295 p. (in Russian).

Osipov O. D. *Obuv' moskovskoi zemli XII–XVIII vv. (Footwear of the Moscow Land of the 12th–18th Centuries. Materials of Security Archaeological Research)*. Moscow, IA RAN Publ., 2006. 202 p. (in Russian).

Rybina E. A. From the History of Chess Pieces. *Soviet Archaeology*, iss. 4, 1991, pp. 86–101 (in Russian).

Shmelev K.; Murzenkov D.; Fedorov I. A Military Toy Complex at the Turn of the 18th–19th Centuries from Excavations at the Site of N. F. Musin-Pushkin on the Fontanka. *Voina i oruzhie (War and Weapons. New Research and Materials. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference)*, vol. 5. St. Petersburg, 2016, pp. 375–383 (in Russian).

Shmelev C.; Shirokova N.; Vasilyeva N. Early 18th Century Ice-Chamber Discovered in St. Petersburg. *ICOM-CC Archaeological Materials & Sites*, iss. 3, 2020, pp. 3–5 (in Russian).

Shmelev K.; Mikhailova E. Use on Non-Holidays till They Get Unfit: Findings of XVIII Century Shoes from the 1st Cadet Corps. *Istoriia voennogo kostiuma: ot drevnego mira do nashikh dney (History of Military Costume: From the Ancient World to the Present Day: Proceedings of the 5th and 6th International Military-Historical Conferences)*. St. Petersburg, 2020, pp. 194–212 (in Russian).

Shmelev K.; Mikhailova E. *Liubopytstva dostoinnye veshchi (Curiosity Worthy Things: Archaeological Research of the 1st Cadet Corps)*. St. Petersburg, 2021. 28 p. (in Russian).

Shmelev K.; Mikhailova E.; Tarasov I. A Complex of Uniforms and Equipment at the Beginning of the 18th Century from the Naugolnye Chambers of the Menshikov Palace. *Voina i oruzhie (War and Weapons. New Research and Materials. Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference)*, vol. 3. St. Petersburg, 2021, pp. 493–513 (in Russian).

Sobolev V. *Report on Security Excavations on the Territory of New Holland Island in St. Petersburg in 2006*. St. Petersburg, 2007. Archive of the IA RAS. F. R-1 (in Russian).

Stefanski S. *Der lange Abgang des Hanswurst: Zur Literarisierung eines volkstümlichen Lustigmachers*. Hagen, MV-Wissenschaft Publ., 2018. 118 p. (in German).

Stepanova A.; Vasilyeva N.; Shirokova N.; Shmelev K. Preliminary Studies of the Glacier from the Naugolnye Chambers of the A. D. Menshikov's Estate (Anatomy and State of Conservation of Wet Archaeological Wood). *Khudozhestvennoe nasledie. Issledovaniia. Restavratsiia. Khranenie (Artistic Heritage. Research. Restoration. Storage)*. iss. 1 (July), 2022, pp. 56–65 (in Russian).

Syshchikov A. D. *Leksika krest'ianskogo dereviannogo stroitel'stva (Vocabulary of Peasant Wooden Construction: Materials for a Dictionary)*. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint-Petersburg State University, 2006. 292 p. (in Russian).

Tatarnikov K. V. *Russkaia polevaia armia 1700–1730. Obmundirovanie i snariazhenie (Russian Field Army 1700–1730. Uniforms and Equipment)*. Moscow, 2008. 235 p. (in Russian).

Tatarnikov K. V.; Yurkevich E. I. *Sukhoputnyi shliakhetnyi kadetskii korpus. 1732–1762. Obmundirovanie i snariazhenie (Land Gentry Cadet Corps. 1732–1762 Outfit and Equipment)*. Moscow, 2009. 80 p. (in Russian).

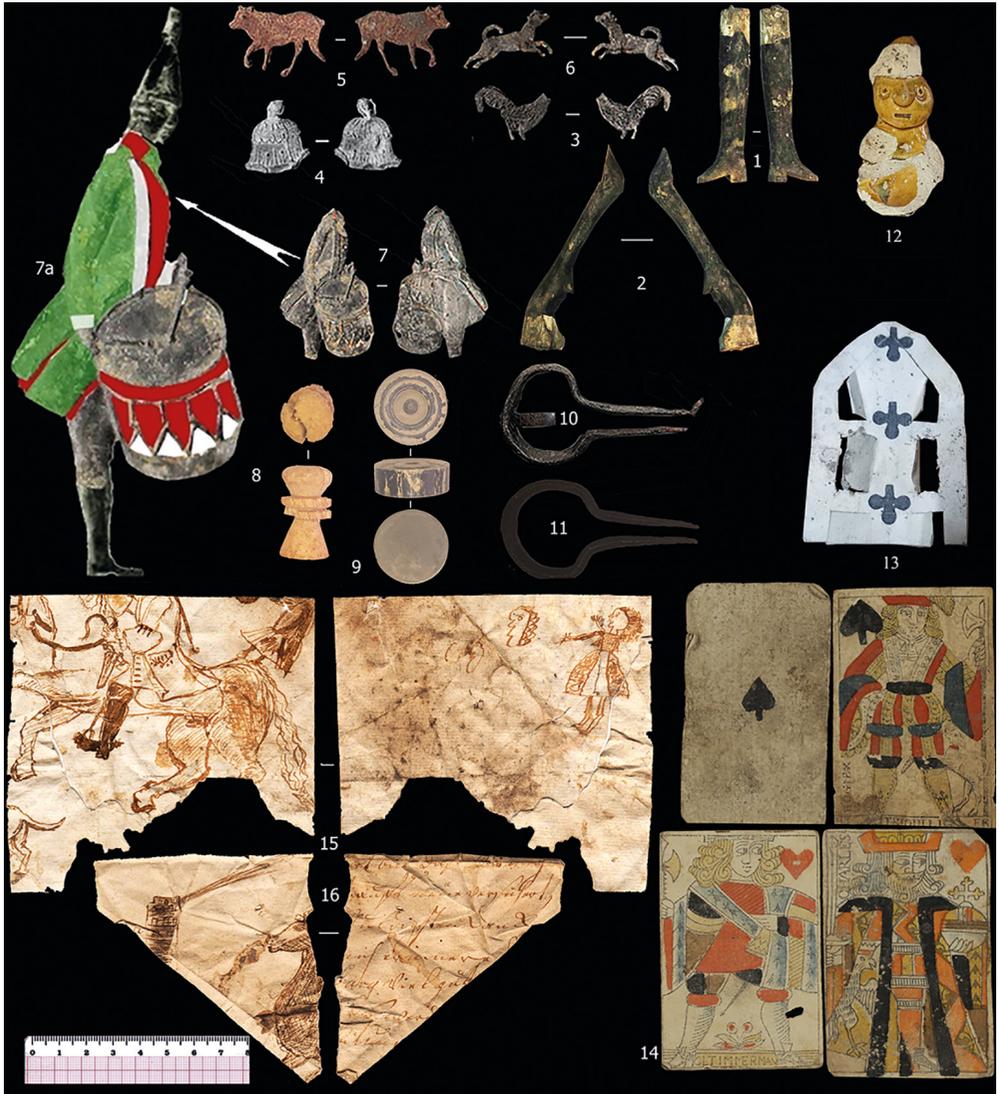
Trubinov Yu. V. *Palaty svetleishego kniazia Menshikova (Chambers of His Serene Highness Prince Menshikov)*. St. Petersburg, Levsha Publ., 2003. 172 p. (in Russian).

Vazgalov G. P.; Parkhomovich S. G. *Mangazeya: New Archaeological Research (Materials 2001–2004)*. Yekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan Publ., 2008. 296 p. (in Russian).

Veksler A. G.; Likhter Iu. A. Glass Beads from Excavations in Moscow. *Arkheologiya Podmoskov'ia (Archeology of the Moscow Region: Materials of the Scientific Seminar of the Institute of Archeology RAS)*, iss. 4. Moscow, 2008, pp. 62–68 (in Russian).

Whitehead R. *Buckles 1250–1800*. Greenlight Publ., 1996. 126 p.

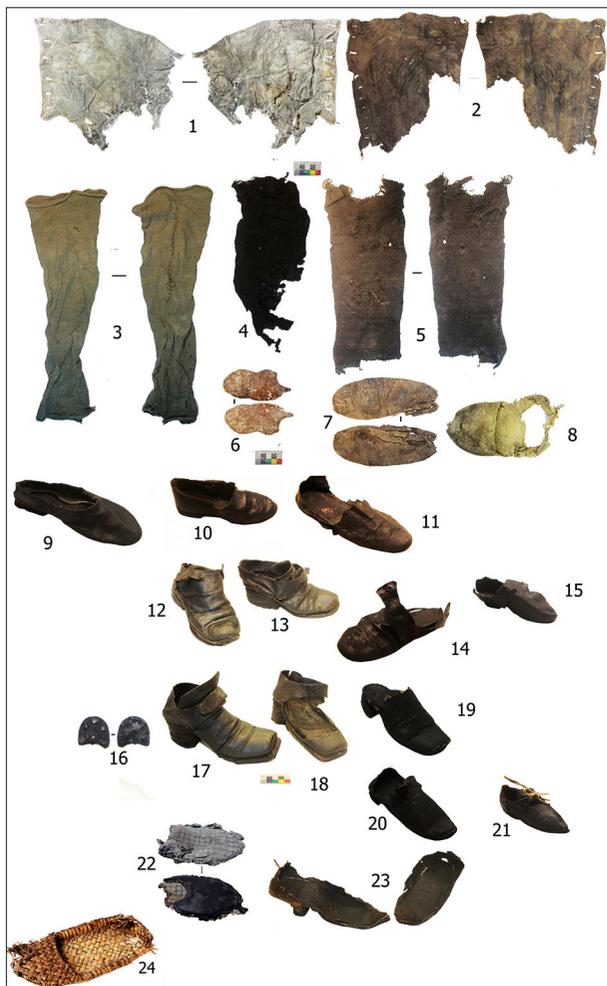

Илл. 92. Игры и игрушки. Первая половина — середина XVIII в. Музейные коллекции СПбГУ. 1–2. ножки кукол-марионеток (дерево, краска); 3, 5–7. плоская «нюрнбергская» миниатюра (олово, медный купорос, краска); 7а. гипотетическая реконструкция фигуры барабанщика; 4. объёмная фигурка (свинцово-оловянистый сплав); 8. шахматная фигурка (дерево); 9. игральная шашка (дерево, краска); 10–11. варганы (железо); 12. фигурка (глина, полива); 13. поделка «домик» из игровой карты (картон, краска, печать); 14. игральные карты (картон, краска, печать); 15. рисунок (бумага, чернила); 16. фрагмент документа с рисунком на обороте (бумага, чернила). Фотографии: Лаборатория археологии, исторической социологии культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ

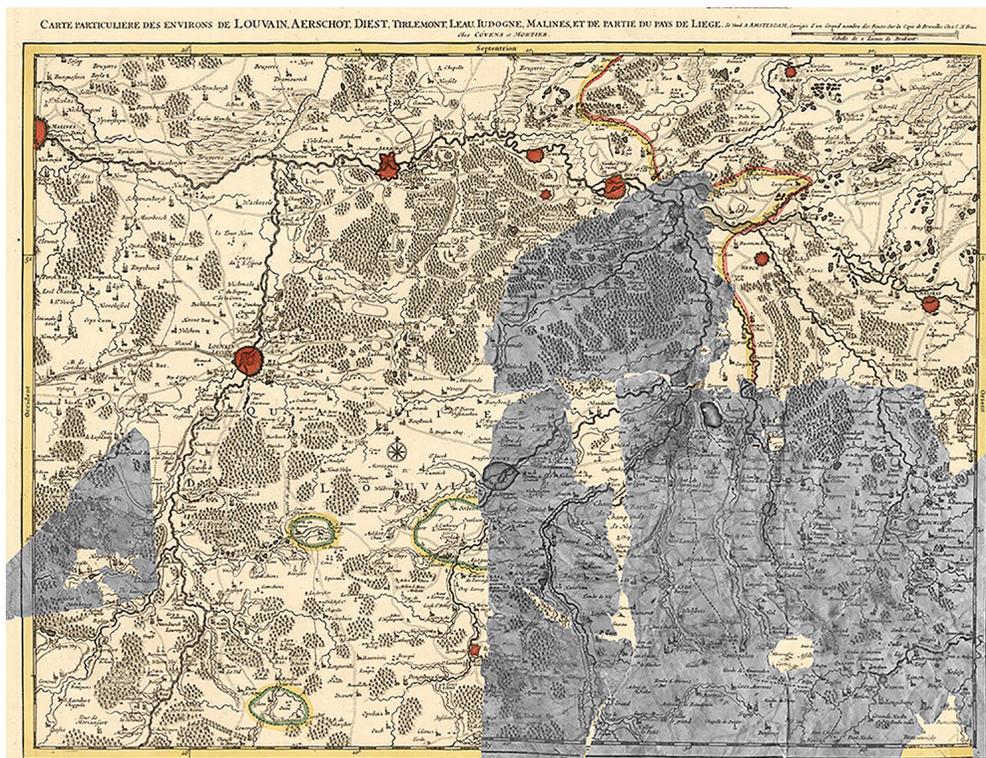
Илл. 93. Пуговицы, запонки и застёжки. Первая половина XVIII в. Музейные коллекции СПбГУ. 1–2, 5–7. запонки одночастные (кость, дерево, латунь, цинк, цветное стекло); 3–4. запонки двухчастные (латунь, стекло, фольга); 8. застёжка (медь); 9. пуговица на сыромятном ремешке. 12, 14, 15, 22. деревянные пуговицы с латунной обтяжкой и ушками из т. н. «голландской нити» (животных жил); 9, 13. деревянная и костяная пуговицы с латунной обтяжкой и ушками из металлической проволоки; 17. латунная обтяжка пуговицы; 10–11. металлические паяные пуговицы из двух частей; 20. точеная пуговица с несколькими отверстиями (кость); 21. металлическая пуговица с несколькими отверстиями (олово). 16. паяные пуговицы с ушками из «голландской нити»; 23, 26. штампованные одночастные пуговицы с припаянным ушком; 27. пуговица-гирька (свинцово-оловянистый сплав); 28. пуговица с ушком (кость); 29–46. обтяжные пуговицы и фрагменты обтяжек (дерево, ткань, нить). Фотографии: Лаборатория археологии, исторической социологии культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ

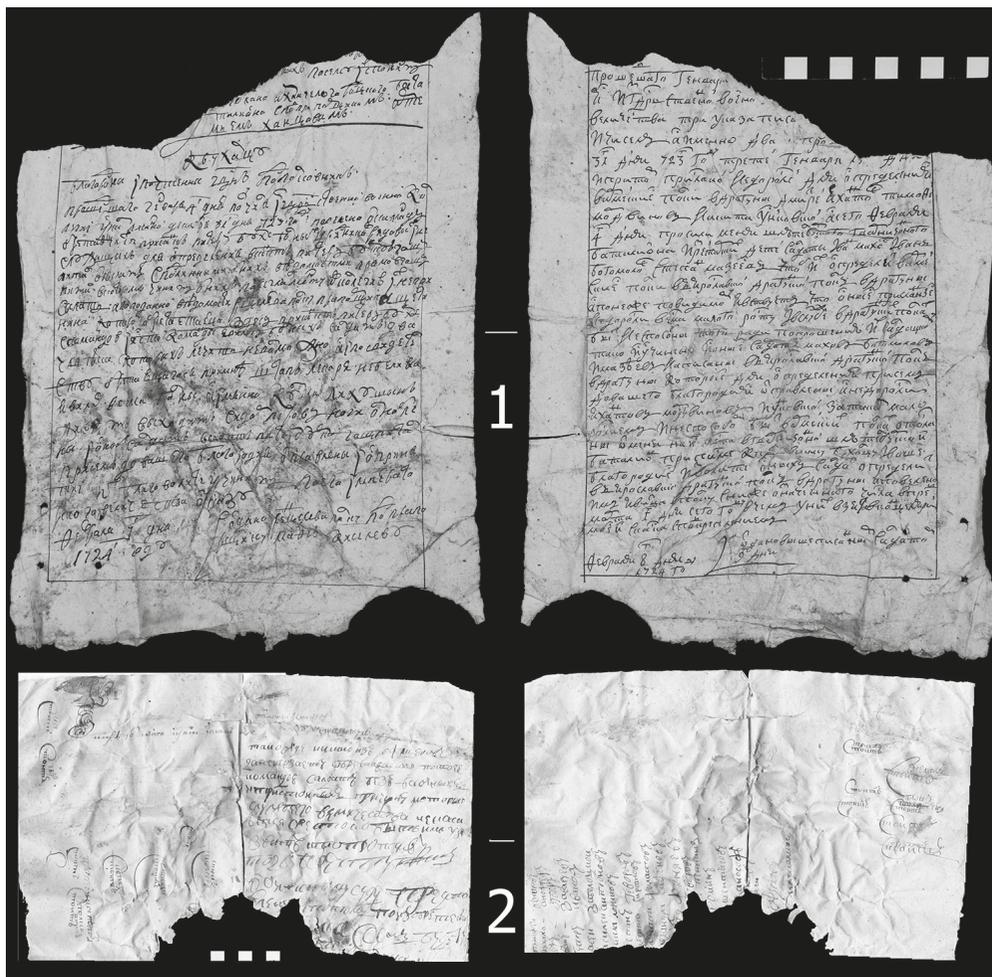
Илл. 94. Обувь и одежда для ног. Первая половина XVIII в. Музейные коллекции СПбГУ. 1–2. штитлеты (гетры) парусиновые; 3–5, 7–8. чулки; 6. стелька (войлок); 9. нижняя часть сапога гражданского типа; 10–11. нижняя часть сапог военного образца; 12–14. строевые башмаки с круглым носком; 15. детский башмачок; 16. каблук с подбивкой из железных гвоздей; 17–18. строевые башмаки с тупым носком; 19. строевой башмак с тупым носком, переделанный в домашнюю туфлю; 20. домашняя туфля; 21. детская туфля; 22–23. женские туфли; 24. лапоть (лыко). Фотографии: Лаборатория археологии, исторической социологии культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ

Илл. 95. Предметы быта и приборы. Первая половина XVIII в. Музейные коллекции СПбГУ. 1. веер (кость, железо); 2. стакан (дерево, краска); 3. гномон солнечных часов (латунь); 4. ножницы свечные (железо). Фотографии: Лаборатория археологии, исторической социологии культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ

Илл. 96. Фрагменты (выделены серым цветом) географической карты «Carte Particuliere des Environs de Louvain, Aerschot, Diest, Tirlemont, Leau, Iudogne, Malines, et de Partie du Pays de Liege» (начало 1720-х гг., музейные коллекции СПбГУ), наложенные на раскрашенный экземпляр аналогичной карты. Схема: Лаборатория археологии, исторической социологии культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ

Илл. 97. Бумажные документы. Первая половина XVIII в. Музейные коллекции СПбГУ. 1. документ о переводе солдат. 1724 г. (бумага, чернила); 2. кадетская пропись (бумага, чернила). Фотографии: Лаборатория археологии, исторической социологии культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ